

Время. 1861. № 7

**НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О
Г. ПИСЕМСКОМЪ ПО ПОВОДУ ЕГО
СОЧИНЕНІЙ**

Томъ I. Изд. Стелловскаго. Спб. 1861 г.

Въ нашей литературѣ были, есть и конечно будутъ впредь, явленія фальшивыя, ненормальныя. На литературу нельзя смотрѣть такъ, какъ напримѣръ ботаникъ смотритъ на растенія. Для ботаника каждое растеніе одинаково правильно, одинаково заслуживаетъ мѣсто въ системѣ; все въ своемъ родѣ совершенно, говорятъ иногда натуралисты. Подобный взглядъ непримѣнимъ къ художественной или какой-нибудь другой духовной дѣятельности. Общее правило здѣсь то, что чѣмъ выше сфера такой дѣятельности, тѣмъ обильнѣе она ненормальными явленіями. Такъ напримѣръ, плохихъ стиховъ, которые

собственно не должны бы считаться стихами, написано и пишется гораздо больше, чѣмъ настоящихъ стиховъ, т. е. стиховъ поэтическихъ.

Какъ ни горестна мысль, которую я теперь излагаю, доскажу ее до конца. Ненормальныя явленія въ исторіи литературы не оставляютъ никакого слѣда; для нихъ собственно придумано поэтами выраженіе, что они падаютъ въ Лету. Но пока они существуютъ, такъ какъ они составляютъ настоящее, а не прошедшее, они имѣютъ всѣ видимые признаки жизненности. Писатели получаютъ громадную извѣстность, сочиненія ихъ жадно раскупаются и читаются, возбуждаютъ толки, критики, даже переводятся на иностранныя языки. Точно такъ газета или журналъ быстро пріобрѣтаютъ множество подписчиковъ, долгіе годы съ великимъ успѣхомъ увеселяютъ и занимаютъ публику; и потомъ, какъ я сказалъ - все это бухъ въ Лету.

Если мы оглянемся на прошлое и даже очень недавнее прошлое нашей литературы, то конечно признаемъ, что наша картина вѣрна. По сторонамъ главнаго русла нашей литературы, возникало множество ненормальныхъ явленій, получавшихъ часто огромные размѣры, сіявшихъ очень ярко и шумѣвшихъ очень громко. Теперь все это исчезло; помнятъ конечно громкія имена, но никто ихъ не читаетъ и не вздумаетъ читать. Въ то же время нормальныя явленія отличаются, какъ мы знаемъ, поразительною живучестью. Много ли было написано коротенькихъ стихотвореній подъ литерой ѿита? Но и теперь читатель, равнодушно пропускающій стихотворенія послѣдней книжки журнала, съ радостью перечтетъ и нарочно отыщетъ въ старыхъ книгахъ стихи Ключникова.

Тотъ же взглядъ разумѣется справедливъ и въ отношеніи къ современной литературѣ. И теперь есть любимые и весьма извѣстные писатели, любимые и весьма успѣвающіе журналы, которые со временемъ бухнутъ въ Лету. Но, благосклонный читатель, не

жди отъ меня, чтобы я сейчасъ же началъ разсматривать нашу литературу съ такой опасной точки зрѣнія. Сколько бы ты ни былъ любопытень, я не могу удовлетворить твоего любопытства. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы я сталъ пересчитывать по пальцамъ наши фальшивыя знаменитости, еслибы я назвалъ какой-нибудь блистательный журналъ явленіемъ совершенно ненормальнымъ, -

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!

Со временемъ, конечно, мало по малу ты узнаешь все это, читатель; узнаешь съ полными и ясными доказательствами. Вдругъ же сдѣлать этого нельзя. Я потому только и заговорилъ о грозныхъ приговорахъ, возлагаемыхъ на меня обязанностью критика, что передо мною лежитъ книга, очевидно не подвергающаяся никакой опасности грознаго приговора. Г. Писемскій принадлежитъ безъ сомнѣнія къ главному руслу нашей литературы: его

извѣстность заслужена истиннымъ талантомъ.

Извѣстно, что г. Писемскій принадлежитъ къ тому отрицательному направленію нашей литературы, родоначальникомъ котораго былъ Гоголь. Эту школу называли нѣкогда у насъ натуральною школою, и къ дальнѣйшему ея развитію нужно отнести и мимолетныя явленія обличительной литературы, и болѣе прочныя и правильныя явленія современнаго реализма.

Но сказать, что г. Писемскій - реалистъ, значило-бы сказать очень мало; потомучто, какъ намъ кажется, реализмъ его отличается чрезвычайною индивидуальностью, рѣзкими особенностями, въ которыхъ, какъ это всегда бываетъ, заключается и его сила и его слабость.

Первое и главное впечатлѣніе, поражающее читателя при чтеніи его рассказовъ, есть какая-то нагота, въ которой они представляютъ жизнь. Васъ охватываетъ холодомъ и невольно приковываетъ къ себѣ голая правда, ничѣмъ не смягченное,

суровое разоблаченіе дѣйствительности. Ощущеніе это можно сравнить съ тѣмъ, о которомъ упоминаетъ Гоголь, говоря, что есть явленія,

«которыя вдругъ обдадутъ какъ варомъ какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости - и вдругъ раздаются надъ нимъ какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отношеніе къ жизни выступаетъ и у г. Писемскаго очень замѣтно. Напримѣръ, его несчастный Ферапонтовъ въ «Старческомъ грѣхѣ»

иногда очень явственно заѣзжаетъ къ Шиллеру въ гости.

Оскорбленный идеализмъ - вотъ повидимому главная нота, звучащая въ произведеніяхъ г. Писемскаго, или говоря старымъ слогомъ, муза, его вдохновляющая. Въ самомъ дѣлѣ критикъ, столь невѣрно назвавшій темнымъ царствомъ міръ изображаемый въ произведеніяхъ Островскаго, имѣлъ бы полное право примѣнить свое названіе къ міру произведеній г. Писемскаго. Вотъ дѣйствительно темное царство, въ которое не проникаетъ никакихъ свѣтлыхъ лучей, гдѣ все мертво, душно и гнило. Очень часто у г. Писемскаго встрѣчаются лица, которыя какъ-будто должны возбуждать симпатію читателей, и которыя обыкновенно погибаютъ жертвою окружающихъ вліяній. Таковъ Ферапонтовъ въ «Старческомъ грѣхѣ», Анна Павловна въ «Боярщинѣ», Павелъ въ «Тюфякѣ», Рымовъ въ «Комикѣ», Ананій въ «Горькой Судьбинѣ» и пр. Но и эти лица всегда болѣе или менѣе отталкиваютъ отъ себя читателей какими-

нибудь уродствами, беспощадно выставленными на свѣтъ. Не такъ ли и въ самомъ дѣлѣ бываетъ въ жизни? Люди добрые - глупы, люди умные - слабы, люди крѣпкія - плуты и т. д.

Какъ бы темны, грязны и уродливы ни были однакоже явленія жизни, искусство всегда имѣетъ на нихъ право; но имѣетъ право только потому, что имѣетъ силу возводить ихъ въ перлъ созданія. Жизнь и искусство суть двѣ вещи различныя. Жизнь можетъ быть темна и ничтожна; искусство всегда свѣтло и высоко. Явленія жизни могутъ быть уродливы и дики; произведенія искусства всегда должны быть стройны и прекрасны. Жизнь - иногда грязь, искусство - всегда перлы. И слѣдовательно, когда передъ нами перлы искусства, то отношеніе къ нимъ всегда должно быть одно: мы можемъ только любить ихъ и наслаждаться ими.

Между тѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, въ чувствѣ, возбуждаемомъ произведеніями г. Писемскаго, есть что-то тяжелое. Въ холодѣ дѣйствительности, которымъ отъ

нихъ вѣтъ, есть что-то рѣзкое. Весьма замѣчательно, что это неопредѣленное непріятное чувство выразилось даже какимъ-то негодованіемъ на г. Писемскаго. На него сердилась Москва за его Калиновича и за Ананія. Разумѣется такимъ негодованіемъ г. Писемскій можетъ только справедливо гордиться. Должно-быть онъ колоть мѣтко, или его правда, какъ говорится, глаза колетъ.

Но можетъ-быть это негодованіе имѣло другой источникъ, болѣе справедливый. Нельзя отрицать глубокой правдивости, составляющей неотъемлемое достоинство произведеній г. Писемскаго. Но можно приступить къ нимъ съ другими требованіями; можно потребовать отъ нихъ болѣе полной правдивости, не одной неуклонной вѣрности, но вмѣстѣ и глубины. Отъ простого, точнаго разсказа о происшествіи, которое намъ случилось видѣть, до художественнаго его воспроизведенія есть тысячи степеней, и художникъ стремится къ высшей изъ нихъ.

Если источникъ произведеній г. Писемскаго есть оскорбленный идеализмъ, то эти произведенія должны заглаживать оскорбленіе, должны по-своему, художественно примирять насъ съ жизнью. Какъ совершается это примиреніе - извѣстно. Если предметы озарены свѣтомъ искусства, такъ что читателемъ неудержимо овладѣваютъ

Негодованье, сожалѣнье

или глубокій смѣхъ, то идеализмъ отомщенъ. Потомучто читатель негодующій, скорбящій или смѣющійся, уже этимъ самымъ становится выше жизни; онъ судить жизнь; онъ увлеченъ искусствомъ въ ту сферу, въ которой явленія жизни являются въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; силамъ души дано ихъ правильное обнаруженіе; найдены тѣ струны, которыя должны отвѣчать на извѣстныя явленія.

У г. Писемскаго такое примиреніе не совершается вполнѣ. Если бы мы захотѣли дать преувеличенную рѣзкость нашему

приговору, мы могли бы сказать, что произведенія г. Писемскаго не пробуждаютъ ни негодованія, ни смѣха, ни сожалѣнія, но что они производятъ въ читателяхъ только недоумѣніе. Въ этомъ можно видѣть величайшую реальность этихъ произведеній. Они возбуждаютъ въ насъ недоумѣніе точно такъ, какъ нерѣдко возбуждаютъ его разные случаи и событія, встрѣчающіеся намъ въ жизни, когда мы не въ силахъ вполне понять ихъ, вполне проникнуть ихъ смыслъ и значеніе. Г. Писемскій, если можно такъ сказать, рисуеъ намъ темноту жизни.

Лица и событія г. Писемскаго не довольно смѣшатъ, мало трогаютъ, слабо возбуждаютъ негодованіе. Его рассказы не увлекаютъ: они только занимательны, то-есть опять-таки, они представляютъ своего рода реальный интересъ, почти такой же, какой возбуждаютъ въ насъ дѣйствительныя происшествія, или встрѣча съ новыми, незнакомыми лицами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, не смотря на все наше вниманіе, мы чувствуемъ недостатокъ

того глубокаго свѣта, которымъ искусство проникаетъ дѣйствительность и озаряетъ сущность дѣла.

Пустота, мракъ, житейская грязь во всей ея сѣрой безличности и блѣдномъ безобразіи... Подобный характеръ искусства свидѣтельствуемъ можетъ-быть, что недостаточно силенъ, крѣпокъ и свѣтелъ идеалъ, который здѣсь судить жизнь. Писатель какъ-будто не довѣряетъ себѣ или просто не умѣетъ смѣло подняться въ область идеала, чтобы ярко и выпукло выступили передъ нимъ явленія. Онъ смотритъ на жизнь скептически, даже цинически, и подозрительно толкуетъ каждое ея явленіе; онъ не приближается къ жизни, не озаряетъ ея, а скорѣе отталкиваетъ отъ себя и покрываетъ тѣнью. У Гоголя на примѣръ, жизнь, какъ онъ самъ выражается, дѣйствительно щеголяетъ побудничному; она тѣмъ смѣшнѣе и жалче, чѣмъ сильнѣе щеголяетъ собою; у г. Писемскаго отъ жизни вѣетъ чѣмъ-то мертвымъ и холоднымъ.

Намъ кажется, что этотъ недостатокъ примиренія съ идеаломъ во взглядѣ самого писателя, составляетъ главную причину тяжелаго впечатлѣнія, возбуждаемаго произведеніями г. Писемскаго. Если взять его произведенія въ ихъ цѣломъ, то нельзя не сознаться, что это впечатлѣніе доходитъ до чего-то трагическаго, хотя и не достигаетъ полной силы трагизма. Названіе одного изъ послѣднихъ его произведеній - Горькая судьбина, повидимому могло бы быть надписано надъ полнымъ собраніемъ всѣхъ его произведеній. Вездѣ одинаково горькая, одинаково неотвратимая судьба, роковая гибель или оскорбленіе всего, хоть сколько-нибудь заслуживающаго сочувствія. Въ чемъ состоятъ рассказы г. Писемскаго? Все это рассказы о преступленіяхъ или несчастіяхъ, въ которыхъ страдаютъ люди, повидимому нимало невиноватые. Этихъ людей губятъ какія-то темныя силы, враждебныя элементы, господствующіе въ той средѣ, куда они попадаютъ. Для того чтобы привести эти силы къ обнаруженію, къ

столкновению, г. Писемскій употребляетъ даже довольно-механической пріемъ. Часто дѣло у него начинается тѣмъ, что дѣйствующія лица пріѣзжаютъ въ то мѣсто, гдѣ они или сами погибаютъ, или другихъ губятъ. Такъ Ананій является къ женѣ, Тюфякъ возвращается изъ университета въ родной городъ, князь и Эльчаниновъ въ Боярщину и проч. Затѣмъ, когда лица сопоставлены, начинается ихъ взаимодействіе, которое совершается такъ же механически, такъ же неизбежно, какъ совершаются процессы въ безжизненной природѣ. Такъ камень тонетъ въ водѣ или пухъ несетъ по воздуху. Дѣйствія, развитія, драмы, борьбы у г. Писемскаго почти нѣтъ. Ни одно изъ лицъ не сознаетъ своего положенія, не дѣлаетъ попытки сбросить съ себя иго обстоятельствъ и уйти отъ своей горькой судьбины. Ходъ происшествій обыкновенно очень медленъ; событія зрѣютъ сами собою. Эти люди, тонущіе въ непроходимомъ болотѣ, очень рѣдко дѣлаютъ даже безсознательныя движенія, чтобы вырваться изъ него, и

тотчасъ опускаютъ руки, чувствуя свою слабость и бесполезность усилій.

Отъ этого всѣ происшествія получаютъ какой-то нечеловѣческій характеръ стихійности, мертвенности, которая по временамъ возбуждаетъ ужасъ. Духовныя силы, выводимыя на сцену г. Писемскимъ, дѣйствуютъ какъ слѣпыя стихіи, какъ огонь и вода. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ большей части случаевъ дѣйствующія лица г. Писемскаго совершенно не понимаютъ другъ друга; между ними, собственно говоря, нѣтъ никакого духовнаго общенія, при которомъ только и возможно сколько-нибудь разумное, просвѣтленное взаимодействіе. Возьмите «Боярщину», «Тюфяка», «Бракъ по страсти»: кто въ этой толпѣ лицъ понимаетъ одинъ другого? Понятно, что при такомъ непониманіи, драмы быть не можетъ; каждый дѣйствуетъ слѣпо на другихъ и отъ столкновенія слѣпыхъ страстей и желаній происходитъ какое-то пустое, внѣшнее бѣдствіе.

Хомяковъ въ своемъ неблагоклонномъ отзывѣ о драмѣ Горькая судьбина сердито замѣчаетъ, что жена Ананія просто дура. Казалось бы, зачто тутъ сердиться? Мало ли дурь на свѣтѣ? И отчего ихъ не выводить на сцену? Нужно только, чтобы онѣ были вѣрны дѣйствительности. Но посмотрите, какое мѣсто занимаетъ жена Ананія въ драмѣ. Она - узелъ, связывающій всѣ лица между собою. Слѣдовательно, если она вполнѣ дура, т. е. пуста умомъ и сердцемъ, то она играетъ роль простой подставки. Драма безконечно выиграла бы, если бы это связующее лицо было достойно своей роли: какая полнота человѣческихъ чувствъ могла бы здѣсь раскрыться! Но г. Писемскій какъ-будто имѣлъ совершенно противоположное намѣреніе. Онъ хотѣлъ поразить насъ пустотою чувствъ, завязавшихъ трагедію; тѣмъ ужаснѣе всѣ страданія дѣйствующихъ лицъ и гибель ребенка и Ананія, что они происходятъ отъ глупой женщины, едва понимающей, что она дѣлаетъ. Это можетъ показаться страннымъ, какъ тѣ старинныя драмы,

которыя всѣ основывались на недоразумѣніяхъ; но это становится страшнымъ, когда недоразумѣніе является какъ фактъ не случайный, но естественный, неизбѣжный.

Во всякомъ случаѣ струя истинно-художественнаго реализма всегда спасаетъ произведенія г. Писемскаго отъ односторонности его міросозерцанія. Мы старались только указать на особенности этого реализма и пояснить, а не отвергнуть ихъ значеніе.
